

ЛЮБИМОЕ ДЕТИЩЕ

Есть на Земле редкие, особенные люди, которые обладают способностью творить лицо мира, выполнять «первотектоническую» работу. И мы, идущие вослед, с восхищением и удивлением останавливаемся перед сделанным ими. Наум Лазаревич Лейдерман неподражаемо, с присущими ему смелостью, энтузиазмом, вникновением в самую суть мог делать все: писать статьи и книги, разошедшиеся по всему миру, рисовать картины, сажать деревья, быть настоящим Учителем – вдохновляющим, поддерживающим, понимающим.

Будучи моим научным консультантом, он поражал меня и зоркостью ученого теоретической складки, мгновенно понимавшего трудные для меня «узлы» работы, и способностью помочь «сотворческим» диалогом. При этом его простой карандаш, делавший пометки на полях рукописи, всегда был деликатнейшим! Отмечая промахи и «очепятки», он

никогда не забывал шутить: путаю фамилии – вместо Ал. Македонов, пишу Ал. Македонский, читаю на полях: «никак не могу припомнить у древнегреческого полководца такую книгу о Заболоцком!» Живое участие Наума Лазаревича в нелегком диссертационном деле и давало силы садиться за письменный стол после полного рабочего дня.

Получив приглашение Наума Лазаревича работать на возглавляемой им кафедре, я задумалась: решиться менять жизненное русло в пятьдесят лет было не просто, но повела за собой какая-то веселая жизненная уверенность его в том, что все образуется. Всегда во мне и членах моей семьи будет жить чувство самой глубокой благодарности Науму Лазаревичу и Лиле Иосифовне за то тепло, заботу и помощь, которые мы ощущали на себе особенно в первый трудный год в Екатеринбурге. И сколько тогда было замечательных бесед о литературе!

Помню, заговорили об артистизме, совершенно чудом мне в людях. Сказала, что и Платоновым-то начала заниматься только потому, что увидела в нем человека абсолютно «серьезного» поведения. Наум Лазаревич немного подумал, потом взорвался, возмутился, воспарил: «Как это не артист Платонов, он артист в Слове! Да еще какой!» И процитировал мне мой собственный опус из «диссера», где платоновский Петр из «Усомнившегося Макара» искренне пытается жить по-ленински и прославиться мечтает так же, как вождь: быть «повешенным» в качестве портрета. Но им не осознается то, что взяв на себя функцию идеолога, он оказывается незастрахованным от буквальной возможности быть повешенным. За восхищенностью Наума Лазаревича изумительной языковой игрой мне увиделась его особенная литературоцентричность: в его сознании не было зоны отдыха от филологической работы...

Причем, «мысль литературная» как-то постоянно пересекалась у него с «мыслью семейной». Будучи идеальным мужем, отцом и дедом, он включал в свою семью и кафедру. Так, на мою главную «грусть» о расставании с дорогими мне людьми он ответил подробным рассказом о том, какие замечательные люди работают на кафедре и как хороши кафедральные посиделки и «перво-последние» звонки. Он был прав... Не забыть нам Наума Лазаревича в роли эльфа с прозрачными крыльшками, вдохновенно двигающегося по сцене...

Однажды он подарил мне солидный черный еженедельник «с кошечкой», усадил за стол, велел разбить странички на графы: «материал», «редактирование», «проверка автором», «откорректирован», «отмакетирован», – и обстоятельно объяснил назначение каждой графы. Так началась для меня работа в журнале.

«Филологический класс» был любимым детищем Наума Лазаревича. Он вкладывал в него невероятное количество душевных и интеллектуальных сил. Был строг и требователен к присылаемым материалам. Бескомпромиссен к незрелым статьям, от

кого бы они не исходили. Он мог поместить в журнал хорошую статью студента и не разрешить к публикации незавершенный труд профессора. Высокая планка профессионализма, которую он безоглядно удерживал, позволила состояться интереснейшему и нужному журналу, совместившему в себе строгую теоретичность со смелой методической устремленностью. «От теории к практике» – этот девиз был главным для Наума Лазаревича. Особенно любил он рубрику «Медленное чтение», где «вкусно» – любимое его словечко – разбирались произведения отечественной и зарубежной литературы. По материалам журнала он мечтал издать две книги: в одну должны были войти теоретические статьи о историко-литературных направлениях, в другую – работы, составлявшие «Медленное чтение»...

Нам, редакции журнала, не забыть тот особый момент, когда Наум Лазаревич открывал только что «приехавший» из типографии новый номер. Мы опускали глаза и уши, заодно пытаясь резко уменьшиться в росте и весе, а всевидящий Наум Лазаревич посыпал нас «очепятками». Как трепетно было тогда и как не достает этого трепета теперь... Не забыть и потрясший меня жест Наума Лазаревича: по «Словеснику» ходит совсем маленький человечек, сын Анастасии Игоревны, великолепного технического редактора журнала, а Наум Лазаревич работает с нами – ругаясь, давая указания, приказывая – и почти инстинктивно прикрывает ладонью то один, то другой угол стола, защищая головку ребенка от возможных ударов. В этом «грозном судии» жила добрая, любящая душа, склонная беречь и лееять все жизненно важное, согревающее, приумножающее.

Ловлю себя на мысли, что на лекциях постоянно говорю о Науме Лазаревиче в настоящем времени. Его присутствие было настолько огромным, что сознание дает сбой, удерживая в настоящем красивое лицо счастливого человека с чуть печальной улыбкой всезнания.

*Нина Петровна Хряцева,
доктор филологических наук,
профессор кафедры современной русской литературы УрГПУ*